

УДК 82-31

*Н. Н. Старыгина¹, О. С. Березина²*¹*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола*²*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола*

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ
КАК ПРИМЕР ЛИТЕРАТУРНОЙ УНИВЕРСАЛИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Н. С. ЛЕСКОВА «НА НОЖАХ»)**

В любой отрасли человеческого знания присутствуют общие идеи, выраженные в понятиях (терминах). Традиционно выделяются: сфера онтологических универсалий, антропологические универсалии сфера национально-ментальных универсалий, мифологические универсалии или универсалии, восходящие к архаике, универсалии русской духовности, социокультурные, языковые (лингвистические) универсалии или – языковые явления (свойства, характеристики), обнаруживаемые во всех языках, свойственные всем языкам. Выделяют также переводческие универсалии. Литературная универсалия – это текстовое явление, имеющее собственное структурно-семантическое выражение и соответствующее – универсальное (повторяющееся, общее) – оформление. В литературно-художественном произведении возможно вычленить универсальные ситуации, совокупность которых будет характеризовать уникальный (конкретный) сюжет. На материале романа Н. С. Лескова «На ножах» (1870–1871) авторы статьи рассматривают, каким образом реализуются универсальные ситуации *ухода из дома и возвращения* в творчестве Н. С. Лескова. В результате исследования выявлено, что понимание Н. С. Лесковым дома как места, где царит атмосфера покоя, уюта, согласуется с понятием дома в традиционной русской культуре, в которой был воспитан писатель, и обуславливает характерные черты авторского мировидения. Обращаясь к универсальным ситуациям ухода из дома и неудачных попыток возвращения, Н. С. Лесков показывает, как с потерей дома происходит деградация личности, отречение от своих корней, от родного жилища приводит к потере нравственного ориентира.

Ключевые слова: литературные универсалии, универсальная ситуация, Лесков, «На ножах», универсальный образ, дом.

Человек живет в мире общих понятий или утверждений, то есть универсалий (лат. *universalis* – общий), которые являются результатом мыслительного конструирования: описания, анализа, обобщения. Конечно, в основе этого процесса – наблюдения над действительной жизнью человека.

В. О. Ключевский писал, что существует «круг тех умственных и нравственных понятий и интересов, которые уже перестали быть делом отдельных умов, личных сознаний и стали достоянием всего общества, факторами общежития» [5, с. 56], «... воплощение, т. е. эта практическая обработка идеи, и вводит ее фактором в исторический процесс» [5, с. 55].

Иными словами, в любой отрасли человеческого знания присутствуют общие идеи, выраженные в понятиях (терминах). Традиционно выделяются: сфера онтологических (бытийных и общечеловеческих) универсалий, антропологические универсалии (свойства, присущие человеческому виду

в целом), сфера национально-ментальных универсалий («ментальные сущности»: честь, справедливость, истина, судьба, счастье, покой, воля [3]), мифологические универсалии или универсалии, восходящие к архаике (универсальные начала в коллективной бессознательном человеческой психики, общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы, универсальные мифопоэтические схемы, «схемы» образов, первообразы, «схемы» сюжетов, жанро-родовые праформы и др.), универсалии русской духовности (христианские, религиозные), социокультурные, языковые (лингвистические) универсалии (свойства, присущие всем языкам или большинству из них) или – языковые явления (свойства, характеристики), обнаруживаемые во всех языках, свойственные всем языкам (имена, глаголы, местоимения, категория числа...) [2].

Выделяют также переводческие универсалии (понятия и категории перевода, существующие

независимо от условий перевода, жанрового характера текстов и контактирующих языков). К переводческим универсалиям относятся: инвариант, сообщение, способы перевода, соответствия, единица перевода и др., невербальные (поведенческие) универсалии (движения, жесты, на первый взгляд, являющиеся эмблемами, в реальности оказывающиеся поведенческими универсалиями (жестовая коммуникация) и другое.

Наиболее разработаны теория языковых универсалий и концепция культурных универсалий. В литературоведении практически отсутствуют определения (дефиниции) достаточно популярного и часто употребляемого понятия «литературная универсалия». В поле внимания писателя (а вслед за ним и литературоведа) оказывается все, что касается человеческой жизни и человеческого знания, следовательно, всевозможные универсалии: бытийные, антропологические, культурные, социокультурные и другие. В этом случае важно понять, что литературная универсалия – это текстовое явление, имеющее собственное структурно-семантическое выражение и соответствующее – универсальное (повторяющееся, общее) – оформление. Литературная универсалия, иными словами, имеет универсальное содержание, в ней выражается какая-либо универсальная идея-понятие (например, грех), которая в художественном произведении имеет также универсальное оформление (например, выражается мотивом греха, сюжетом грехопадения, оппозицией *грешный/праведный*). То есть универсальность данному текстовому явлению придают два универсальных фактора: а) идея, б) способ (или прием) выражения (мотив). Результатом является литературная универсалия: мотив греха, сюжет грехопадения, оппозиция *грешный/праведный* и др. – то есть конкретное структурно-семантическое явление художественного текста. Его литературоведческое обозначение будет включать термин (указание на формальное явление в тексте) и концепт или слово-понятие (указание на семантику явления). При этом универсальность явления подтверждается постоянным присутствием в литературных произведениях разных эпох и т. д.

В литературе сформировалось определенное количество общих (повторяющихся) мотивов, смысловое наполнение которых может быть выражено, например, концептом. Представленность этих мотивов в тексте реализуется через множество одних и тех же поэтических приемов, а их значимость определяется сюжетообразующей функцией. В числе универсальных мотивов мож-

но рассматривать онтологические мотивы (судьбы, жизни и смерти, рождения, взросления, бессмертия и др.), антропологические (воли, счастья, безумия и др.), мифологические или архетипические (превращения, порога и др.), фольклорные (похищения, змеборчества и др.), религиозные (праведничества, греха, покаяния и пр.), национально-ментальные (души, покоя, воли, России), хронотопические (путешествия, поиска, возвращения и др.).

Наиболее разветвленной может быть типология универсальных образов (как литературных универсалий): образы-понятия (типы героев), образы-персонажи, образы-символы, образы-эмблемы. Каждое «образное» гнездо может иметь свою типологию. Образы-понятия: «лишний человек», «мечтатель», «практик», «новый человек», «человек без направления», «маленький человек» и др. Образы-персонажи: герой-любовник, герой-воин, герой-деятель, герой-праведник, герой-грешник и пр. Образы-символы: звуковые, слуховые, цветообразы, наряду с этим: национальные, общечеловеческие, религиозные, культурные, образы искусства, природные, пространственные, временные и т. д. Образы-эмблемы: природообразы (ветка сирени, голубь), человекообразы (например, у Диккенса девочка Ницета, мальчик Неужество [9]) и другие. Литературной универсалией являются образы автора и читателя, характеризующие особенности художественного текста как высказывания-результата: субъект высказывания – автор (в тексте присутствует его образ), субъект восприятия – читатель (в тексте присутствует его образ).

В нашем исследовании мы будем придерживаться дефиниции, предложенной Л. И. Емельяновым: «Литературные универсалии – «сюжетные и характерологические «формулы», которые так или иначе издревле наличествуют в фольклоре, древнерусской литературе. Историческое движение универсалии есть разная степень количества, перешедшего в новое качество, новая «семантика», лишь морфологически воспроизводящая «универсалию» [4, с. 102–103].

В литературно-художественном произведении возможно вычленить универсальные ситуации, совокупность которых будет характеризовать уникальный (конкретный) сюжет. Ситуация как литературная универсалия имеет жизненный «прототип»: ситуацию, которая является универсальной в жизни человека.

На материале романа «На ножах» (1870–1871) рассмотрим, каким образом реализуются

универсальные ситуации *ухода из дома и возвращения* в творчестве Н. С. Лескова.

Данные ситуации берут начало из притчи Нового завета о блудном сыне, из фольклорной традиции (мотив запрета покидать отчий дом) и далее в той или иной модификации используются всеми авторами. В романе Н. С. Лескова «На ножах» брат и сестра Висленевы покидают родной дом, то есть отрекаются от него. С тех пор их жизнь катится под откос. Иосаф проигрывает в рулетку деньги за заложенный дом, Лара проматывает за границей все финансовые средства, найденные Подозеровым и предназначенные для выкупа дома. Писатель показывает, как с потерей дома в судьбах Лары и Иосафа Висленевых происходит нивелирование духовных ценностей, нравственного идеала, чувства собственного достоинства. Все последующие попытки обрести дом безуспешны, эти жилища – лже-дома. Ощущение лже-дома усиливается при упоминании дома Глафиры Бодростиной, подробного описания которого не приводится, но емкое наименование-сравнение его с «хрустальной клеткой, громоздившейся на крутой горе и под сильным ветром» [6] усиливает впечатление, приравнивая образ к универсальному образу дома-тюрьмы. Кстати, чувство несвободы в бодростинском доме ощущает даже Ропшин, и хотя зависимость его другого рода – любовное томление, тем не менее повествователем опять вводится мотив неволи, а «неприветливый и страшный» дом метафорически соотнесен с «силками»: «Очутившись в этом старом, богатом и барском доме, Ропшин немедленно впал в силки, которые стояли здесь по всем углам и закоулкам» [6].

Ситуация ухода из дома перекликается в романе с универсальными фольклорными мотивами *похищения невесты из отчего дома и змеоборчества*. Змеем-искусителем в романе предстает Павел Горданов. Он умыкает из дома «прекрасную невесту» Лару, соблазняет ее, а потом бросает. Героем выступает Подозеров, пытающийся спасти Лару. (Кстати, образ Андрея Подозерова можно считать универсальным, так как он наделен характерными для архетипического образа чертами: и тяжелое детство героя, и емкое его наименование – Испанский дворянин, и легенда о происхождении Подозерова, рассказанная Водопьяновым.)

Сравнивая образ Лары, героини «на перепутье» (определение Н. Н. Старыгиной) [8, с. 198], с идеальным, с точки зрения писателя, образом Александры Синтяниной – спасительницы, утешительницы,

хранительницы дома [1], – Лесков, христианский писатель, вводит в сюжет универсальную для верующего человека *ситуацию молитвы* и в ней показывает своих героинь. Если молитва Александры «тревожная и жаркая»: «она не умела молиться тихо и в спокойствии» [6], то Лара, обращаясь к Богу в переломный момент своей жизни, забывает слова молитвы: «оборотясь к образу, тихо стала на колени и заплакала и молилась словами тетки, и вдруг потеряла их» [6].

Герои у Лескова четко делятся на положительных и отрицательных. В этом ракурсе дом выступает средством характеристики: по отношению героя к дому можно судить о душевных качествах персонажа. Так, легко распрощавшаяся с родным домом Лара противопоставлена другой героине – Александре Синтяниной, для которой ее дом – это ее мир. Маленький господский дом в Починке («Каютка в две крошечные комнаты: столовая и спальня ее с девочкой... Ничего особенного: садик, прудок, мельница, осиновый лесок, ореховый кустарник, много скота, да небольшое поле островком, вот и все» [6]) органично вписан в лоно природы. Опоэтизированный хутор – любимое место многих героев романа – всегда открыт для посетителей.

Ощущая, как и другие героини, в доме Бодростиной враждебное пространство: «Ей казалось, что она где-то в плену, в злом плену» [6], Лара стремится вернуться домой: «Собственный дом ей представлялся давно покинутым раем, в который уже нельзя вернуться» [6]. Здесь реализуется *ситуация возвращения* героини в родные пенаты. Присутствует сожаление о своих проступках, радость от встречи с родными и близкими: «Увидав себя на дворе генеральши, Лариса в первый раз в жизни почувствовала тот сладостный трепет сердца, который ощущается человеком при встрече с близкими людьми, после того как ему казалось, что он их теряет невозвратно. Лариса кинулась на шею Александре Ивановне и много раз кряду ее поцеловала; так же точно она встретила и с теткой Форовой» [6]. Однако не сумев обрести внутреннюю гармонию, Лара запутывается еще больше, доверяется Горданову, доводит конфликт между Подозеровым и Гордановым до дуэли, выходит замуж за Подозерова, но вновь убегает из дома, а потом погибает, намеренно, во враждебном лесу, по определению Ю. Лотмана, – в «антидоме», «лесном доме» [7, с. 264–265]. Дом противопоставлен хаосу, внешнему разрушительному воздействию.

Не получилось счастливого возвращения в отчий дом и у Иосафа. Лишившись родового гнезда, герой скитается по съемным квартирам, убогим номерам в гостиницах, по парижским клетушкам и подвалам, закуткам в домах Кишенского, Бодростина. Будучи за границей с Глафирой, Иосаф страшится возвращения на родину, где ему грозит принудительное пристанище уже в доме другого рода – в долговой тюрьме. В итоге Висленев обретает относительный душевный покой лишь в сумасшедшем доме.

Итак, понимание Н. С. Лесковым дома как места, где царит атмосфера покоя, уюта, согласуется с понятием дома в традиционной русской культуре, в которой был воспитан писатель, и обуславливает характерные черты авторского мировидения. Обращаясь к ситуациям ухода из дома и неудачных попыток возвращения, писатель показывает, как с потерей дома происходит деградация личности, отречение от своих корней, от родного жилища приводит к потере нравственного ориентира. Неудачные попытки возвращения без истинного, глубокого покаяния приводят к печальному финалу. Таким образом, Н. С. Лесков при построении сюжета романа использует литературные универсалии – общие для литературных произведений структурно-семантические явления, получившие в литературоведении концептуально-понятийное обозначение.

1. Березина О. С. Спасительница, утешительница, хранительница дома (женский идеал в романе Н. С. Лескова «На ножах») // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2015. № 2. С. 131–134.

2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1990.

3. Володина Н. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М.: Флинта-Наука, 2010. 250 с.

4. Емельянов Л. И. Литературоведение и фольклористика // Взаимодействие наук при изучении литературы. Л., 1981.

5. Ключевский В. О. Курс русской истории // Собрание сочинений: в 9 т. М., 1987. Т. 1.

6. Лесков Н. С. На ножах: роман. [Электронный ресурс] // <http://fanread.ru/book/731860/> (дата обращения 6.05.2015).

7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.

8. Старыгина Н. Н. Женские образы в контексте христианского учения о душевном устройении («Обрыв» И. А. Гончарова, «На ножах Н. С. Лескова, «Бесы» Ф. М. Достоевского) // Открытый урок по литературе: пособие для учителей / ред.-сост.: И. П. Карпов, Н. Н. Старыгина. М.: Московский Лицей, 1998. Вып. II. 352 с.

9. Starygina Natalya N., Pershina Marina A., Mikheeva Inna N., Berezhina Olga S., Klyukha Irina K. Dickens' Christmas Story as an Intertexteme in Leskov's Yule Short Story // *Rewiew of European Studies*, Vol 7, No. 8, 2015. Pp. 193–200. DOI: 10.5539/res.v7n8p193.

1. Berezhina O. S. Spasitel'nica, uteshitel'nica, hranitel'nica doma (zhenskij ideal v romane N. S. Leskova «Na nozhakh»). *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Hetagurova*. 2015. No. 2. Pp. 131–134.

2. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i opisanie yazykov. M., 1990.

3. Volodina N. Kontsepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedeniya. M.: Flinta-Nauka, 2010. 250 s.

4. Emel'yanov L. I. Literaturovedenie i fol'kloristika. *Vzaimodeistvie nauk pri izuchenii literatury*. L., 1981.

5. Klyuchevskii V. O. Kurs russkoi istorii. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* M., 1987. T. 1.

6. Leskov N. S. Na nozhakh: roman. [Elektronnyi resurs]. <http://fanread.ru/book/731860/> (data obrashcheniya 6.05.2015).

7. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 464 p.

8. Starygina N. N. Zhenskie obrazy v kontekste khristianskogo ucheniya o dushevnom ustroenii («Obryv» I. A. Goncharova, «Na nozhakh N. S. Leskova, «Besy» F. M. Dostoevskogo). *Otkrytyi urok po literature: posobie dlya uchitelei*. Red.-sost.: I. P. Karpov, N. N. Starygina. M.: Moskovskii Litsei, 1998. Vyp. II. 352 s.

9. Starygina Natalya N., Pershina Marina A., Mikheeva Inna N., Berezhina Olga S., Klyukha Irina K. Dickens' Christmas Story as an Intertexteme in Leskov's Yule Short Story. *Rewiew of European Studies*. Vol 7. No. 8, 2015. Pp. 193–200. DOI: 10.5539/res.v7n8p193.

Статья поступила в редакцию 25.11.2015 г.

N. N. Starygina¹, O. S. Berezina²

¹*Volga State Technological University, Yoshkar-Ola*

²*Mari State University, Yoshkar-Ola*

**UNIVERSAL SITUATIONS AS AN EXAMPLE OF LITERARY UNIVERSAL
(BASED ON THE NOVEL “AT DAGGERS DRAWN” BY NIKOLAI LESKOV)**

There are general ideas expressed in notions (in terms) in any branch of human knowledge. Traditionally it can be highlighted as follows: scope of ontological universals, anthropological universals, scope of the national and mental universals, mythological universals or universals, dating back to Antiquity, universals of the Russian spirituality, socio-cultural, language (linguistic) universals or linguistic phenomena (properties, characteristics), found in all languages and common to all languages. There are also translation universals. Literary universal is a textual phenomenon with its own structural and semantic expression and appropriate, that is universal (repeat and total) form. The literary works include the universal situations, the totality of which is characterized by a unique (specific) plot. Based on the novel “At daggers drawn” (1870–1871) the authors of this article consider the implementation of the universal situations of leaving and returning home in Nikolai Leskov’s writing. In constructing the plot of the novel writer resorts to the universal situations of leaving and returning home. The study found that the Leskov’s image of home, as a place with the atmosphere of peace and comfort, agrees with the concept of home in the traditional Russian culture, native to the writer, and causes the characteristic features of the author’s worldview. Referring to the universal situations of leaving home and unsuccessful attempts to return, Leskov shows how the loss of the home provokes a degradation of the person, renouncing his roots and his native place, the loss of moral guidelines.

Keywords: literary universals, universal situation, Leskov, “At daggers drawn”, universal image, home.